

Я. А. Сексте

СРАЖЕНИЕ ПРИ О. ГОГЛАНД 6/17 ИЮЛЯ 1788 ГОДА: ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1788–1790 ГОДОВ

Военные действия в Русско-шведской войне 1788–1790 годов в основном проходили на море. Именно поэтому и король Густав III, и императрица Екатерина II основную ставку сделали на генеральное морское сражение, которое смогло бы решить исход всей военной кампании.

Что же представляли собой две морские державы накануне военных действий? И по числу кораблей, и по их величине русский флот был сильнее шведского. И хотя русские матросы и солдаты считались большей частью неопытными, то офицеры (среди которых было много иностранцев), без сомнения, могли поспорить в боевой выучке с командирами шведских судов. Статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий упоминал о нехватке рядового состава на флоте: «Грейг, для экзерциции экипажа, хотел простоять несколько дней у Красной Горки, потому что у него половина рекрут»¹. Позже Храповицкий вновь упоминает о 153 арестантах, которые были отправлены для укомплектования кораблей к Грейгу в то время, когда происходила битва при Гогланде². Г. Шанц подтвердил информацию о норвежцах, англичанах и прочих, состоявших на русском флоте³.

Особенным уважением и известностью в России пользовался адмирал Грейг. Самуил Карлович Грейг, шотландец, сын вольного моряка, поступил на русскую службу в 1764 году в чине капитана, в 1769-м, при отправлении в Средиземное море, был произведен в капитан-командоры, в 1770 году — в контр-адмиралы, за Чесменскую битву получил орден св. Георгия II класса; по возвращении из средиземноморского похода в 1775 году был произведен в вице-адмиралы и назначен главным командиром Кронштадтского

порта, в 1782-м произведен в адмиралы. Императрица доверяла Грейгу, считая его самым талантливым и опытным флотоводцем⁴.

Необходимо отметить, что при встрече Карла Зюдерманландского с вице-адмиралом фон Дезином шведы могли нанести ощутимый удар по русскому флоту, но тогда обстоятельства не позволили шведам воспользоваться ситуацией.

Наконец, 26 июня/7 июля шведский флот получил депешу короля с известием, что война с Россией началась, и уже на следующий день шведской флот, крейсировавший в Финском заливе, встретил близ о. Нарген два русских фрегата. Так как командиры этих судов уже знали, что война объявлена и что они должны или сдаться, или обороняться, то они, конечно, спустили флаг перед превосходящими силами шведов.

Это были фрегаты «Ярославец» и «Гектор» (один 32-пушечный, 240 человек экипажа, а другой 26-пушечный с 205 чел.), шедшие из Кронштадта с кадетами, отправленными на практику⁵. На кораблях находилось большое количество провианта, военных припасов и амуниции. Интересно, что капитаны русских фрегатов ничего не знали о начавшихся военных действиях и не получали инструкции относительно шведских кораблей.

Шведский источник сообщил, что 9 июля шведский флот встал на якорь в Мьельской гавани перед Гельсингфорсом, он привез с собой два русских фрегата, которые герцог захватил днем ранее, они дружественно салютовали и приветствовали герцога и убедили его, что ничего не знают о враждебных действиях между Россией и Швецией⁶.

Между тем русский флот был готов к отплытию. Россия могла начать вооружаться гораздо позже, чем Швеция, но обязательные для начала военных действий мероприятия представили России возможность окончить свои приготовления к войне в то время, пока не было военных действий со Швецией. Только в июне были приняты меры к окончательному приготовлению флота к отплытию.

Екатерина все еще надеялась на мир и считала возможным отправление Грейга в Средиземное море. В начале июня для него была составлена инструкция, но затем было решено, что Грейг остановится в Ревеле «для примечания движений шведского флота, и чтоб его побить, буде начнет сражаться»⁷.

22 июня Грейг был готов к отплытию и ждал попутного ветра. Екатерина надеялась на флот гораздо больше, чем на сухопутные войска: «...надобно употребить в пользу превосходство нашего флота против неприятельского и, разбив его на море, идти к Стокгольму. Совет, согласно соизволению

императрицы, распорядился: адмиралу Грейгу предписать соединиться с эскадрой в команду адмирала Чичагова прежде назначенного, а оставя тягости в Ревеле, идти прямо искать неприятельского флота, атаковать оный, и если Бог поможет разбить его, преследовать до самой Карлскроны, стараясь не токмо суда шведские истребить, но и самый город Карлскрону и другие строения, заведения и запасы разорить до основания: причем дозволить ему по усмотрению произвести поиски и на другие побережные места»⁸. Екатерина, рассказывал Храповицкий, перекрестилась, подписывая этот указ 26 июня. Флот наконец отправился навстречу неприятелю, вспоминал П. В. Чичагов, сын знаменитого адмирала В. Я. Чичагова⁹.

Все внимание императрицы было обращено на ожидаемое столкновение между флотами. 29 июня Храповицкий написал: разбудили в 12 часу вечера с рапортом, будто шведский флот показался против Ревеля. «Получено известие, что шведские корабли хватали суда купеческие. Но когда придет Грейг, так уйдут к своим берегам, — писал Храповицкий. — Ожидать надобно известия, что сделает Грейг; он, по донесению корабельщика, в Кронштадт пришедшего, был в 12 морских милях от неприятеля»¹⁰.

Вскоре было получено известие о приближении Грейга к неприятельскому флоту и пребывании его близ острова Сескара. Утром 6/17 июля оба флота встретились между островом Стеншером и мелью, называемую Кальбо-да-Грунт, в семи милях от Гогланда на запад. Шведский флот получил известие об отплытии русского флота из Кронштадта и ежедневно ожидал этой встречи. 3/14 июля адмирал Карл Зюдерманландский отдал приказ о приготовлениях к битве, в нем содержались различные правила, как необходимо было действовать во время сражения. Ссылаясь на патриотизм и любовь шведов к королю и стараясь воспламенить честолюбие своих соотечественников, герцог называет себя «лишь первым и самым преданным из воинов морских войск его королевского величества»¹¹.

Шведский флот состоял из 15 линейных кораблей, 8 фрегатов и нескольких прочих судов. Среди фрегатов были и захваченные у русских «Гектор» и «Ярославец». В донесении Грейга сказано, что шведский флот состоял из 15 линейных кораблей, 8 больших фрегатов, 5 меньших фрегатов и 3 пакет-ботов. Не совсем соответствуют этому данные Гилленграната¹². Русский флот был несколько сильнее: он состоял из 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и нескольких мелких судов. У шведского флота пушек было почти на 200 меньше, чем у русского, то есть около 1200, в то время как у русского — более 1400. В. Чистяков говорит о преобладании на шведском флоте кораблей и пушек¹³.

Ветер был слабым, но выгодным для движения русского флота. До 5 часов оба флота готовились к битве, и каждый из них старался занять выгодную позицию. В конце 5-го часа был дан сигнал русскому флоту — пользуясь ветром с востока, спуститься на неприятельскую линию и вступить в бой. Русский адмиральский корабль, отличавшийся от других величиной и числом пушек (108), с помощью еще двух 74-пушечных линейных кораблей напал на шведский адмиральский корабль, имевший не более 68 пушек¹⁴.

Грейг, вероятно, надеялся взять в плен герцога Зюдерманландского, который, несмотря на то что его корабль получил значительные повреждения в такелаже, а камердинер был убит пушечным ядром рядом с ним, оставался на палубе, продолжал курить трубку и утверждал, что скорее готов умереть и взорвать корабль, чем сдаться¹⁵. Шведский адмиральский корабль начал спускаться и скрылся за другими шведскими кораблями. Вскоре, после 8 часов утра, началось сражение между русским адмиральским кораблем «Ростиславом» и шведским вице-адмиральским «Принцем Густавом», которое закончилось тем, что шведский корабль спустил флаг, и русские захватили его. Находившийся на нем вице-адмирал граф Вахтмейстер, после того как на его корабле было убито 132 человека и ранено 88, сдался в плен с оставшимся экипажем. Привезенный на адмиральский корабль граф Вахтмейстер отдал свой флаг и шпагу, но Грейг возвратил ему последнюю за храбрость, с которой тот защищался.

К ночи шведские корабли спускались по ветру, постепенно ослабевшему во время сражения. Адмирал Грейг велел прекратить пальбу «по причине темноты ночи, густоты дыма и отдаленности неприятельских кораблей». Таким образом, после сражения, продолжавшегося около пяти часов, русских можно было считать победителями, потому что они сохранили за собой театр военных действий. Грейгу горестно было осознавать, что русский корабль «Владислав» был захвачен шведским флотом и уведен в Свеаборг. В своем донесении Грейг писал, что получил известие об опасном положении корабля «Владислав» так поздно из-за густоты дыма, закрывавшего его от русских.

Кроме того, Грейг приписывал потерю этого корабля «нерадению» некоторых русских офицеров на других кораблях, отказавшихся вступить в бой и помочь «Владиславу». В своем журнале Грейг особенно жаловался на командиров кораблей «Дерис», «Иоанн Богослов» и «Памяти Евстафия» — Коковцева, Вальротта и Баранова, которые были так близки к «Владиславу», что говорили с ним. «Но ни один из трех кораблей ни малейшей

помощи, ни защиты ни учинил, которую они совершенно в состоянии были сделать, в рассуждении, что “Дерис” ни малейшего, а другие два весьма малые повреждения получили в сражении, и чрез их нерачение корабль “Владислав” попал неприятелю в руки»¹⁶.

Грейг тотчас отстранил этих командиров от должности, отправил их в Кронштадт для производства над ними следствия. Уже 14 июля в журнале Адмиралтейств-коллегии был зачитан «рапорт адмирала Грейга о сражении, бывшего 6 числа сего месяца со шведским флотом», в котором подробно излагались действия командиров трех кораблей, не вступивших в сражение.

Президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву Грейг подробно писал об этом деле, в котором обвинял и контр-адмирала фон Дезина¹⁷.

18 июля Храповицкий написал, что «граф Чернышев получил письмо от Грейга <...> чем далее входит в дело трех виноватых капитанов, тем более вины их увеличиваются, думая, что коснется дело и контр-адмирала фон Дезина»¹⁸.

Храповицкий вспоминал, что «судя по этому, фон Дезин, брат вице-адмирала, находившегося в это время близ западного берега Швеции, был также виноват, но Грейг отозвался о нем, что он во время сражения показал много храбрости, но плохо был поддержан разными кораблями в порученной ему части флота. Однако фон Дезин был вызван в Петербург. Храповицкий 19 июля писал, что “Дезин под судом”»¹⁹.

Лишь 10 августа «суд над обвиняемыми был закончен», как отмечал Храповицкий. Но окончательное решение было зачитано в «извлечении из всеподданнейшего доклада Адмиралтейств-коллегии» от 10 марта 1789 года: «Высочайшая конфирмация: Коковцева по лишении чинов написать в матросы на Черное море вечно; Вальрота тоже написать в матросы, а Баранова исключить из службы и впредь в оную и никаким делам не определять»²⁰.

Случай с кораблем «Владислав» очень важен как для Грейга, так и для императрицы в деле определения бесспорного победителя в сражении 6/17 июля. Если бы не пленение «Владислава», то шведы должны были бы согласиться с тем, что битва при Гогланде означала победу русского флота над шведским. Теперь же и те, и другие стали утверждать, что они остались победителями. Екатерина 10 июля 1788 года написала Потемкину о сражении при Гогланде, заключив, что «сие дело, хотя по себе нерешительно, но следствия для шведов может иметь худые, буде Бог нам поможет»²¹.

Первые известия о битве, дошедшие до Густава III, **кажется, не так решительно** свидетельствовали о победе. Не зная еще о подробностях сражения, король 7/18 июля написал графу Стединку: «Я каждую минуту жду известия об исходе морской битвы. Мы знаем, что она происходила близ Гогланда; донесения о ней нам выгодны, но я еще не смею, безусловно, надеяться на это»²².

Шведы считали себя победителями, поэтому король приказал во всех церквях Стокгольма отслужить благодарственный молебен. В шведских газетах, а также в других источниках были напечатаны подробные бюллетени о сражении.

Густав хотел воспользоваться этой ситуацией, чтобы пробудить патриотизм шведской нации, и поэтому устраивал демонстрации. 10/21 июля был отслужен молебен в главной церкви в Гельсингфорсе. Король сам произнес речь, исполненную славы и любви к Отечеству. В обстановке особой торжественности король вручил знаки отличия офицерам, участвовавшим в этом сражении. Затем с такою же пышностью было совершено погребение убитых командиров, из которых в бою за корабль адмирала К. Зюдерманландского особенно отличился граф Вальтазар Горн, командир корабля “Wasa”, который умер от тяжелой раны, полученной в сражении²³. Затем трофеи, флаги и вымпелы плененного шведами корабля «Владислав» были отправлены с торжественной процессией из Финляндии в Стокгольм, где они 29 июля / 9 августа были выставлены на балконе королевского дворца, а затем сданы в арсенал.

До сведения Екатерины впоследствии дошли сведения о торжестве Густава, между тем как она приписывала победу русскому флоту. «Пусть хвастает, как хочет; сам выйдет смешным в глазах людей беспристрастных», — сказала она 6/17 августа во время чтения в газетах о мероприятиях, происходивших в Швеции²⁴.

Если среди простого народа можно было услышать восклицания одобрения и радости, то дворянство в Швеции, как сообщает современник событий, было крайне недовольно успехом шведского оружия и видело в нем один из поводов к возвышению королевской власти над дворянскими привилегиями.

В декларации, изданной королем 21 июля, говорилось о «победе, одержанной герцогом Зюдерманландским над сильнейшим флотом». Возражая, Екатерина заметила: «Последствия показали, кто одержал победу: ибо шведский флот во все лето и осень 1788 года был заперт русским флотом в Свеаборгской гавани, куда он удалился»²⁵.

В Петербурге считали, что победа осталась за Россией. В тот же день был благодарственный молебен в церкви в Зимнем дворце, на котором присутствовал и Сегтор. Императрица похвалила Грейга, отдав должное его храбрости. Ему был вручен орден св. Андрея Первозванного. Однако Грейг не хотел его принимать, считая себя виноватым в потере «Владислава». Екатерина писала об этом событии Циммерману²⁶, а также Архарову²⁷.

М. Гарновский в своих «записках» сообщал об этом событии следующее: «Грейг не возложит на себя Андреевской ленты; до тех пор не возложит, пока не сделается победителем шведов». М. Гарновский считает, что «помянутое сражение можно почитать за равное с обеих сторон, если бы перед сим шведы не отняли у нас двух крейсировавших фрегатов и несколько галиотов, пльвших из Риги в Выборг с казенным хлебом»²⁸.

В. Я. Чичагов попросил отправить его на действующий флот, считая Гогландское сражение победой Грейга²⁹.

Императрица написала к графу П. Д. Еропкину: «Сия победа может иметь важных и полезных для нас наипаче следствий»³⁰.

Австрийский император Иосиф II с радостью отозвался об этом событии в письме к Екатерине II: «Признаюсь, видеть в руках Вашего Императорского Величества флаг герцога Зюдерманландского мне было бы еще приятнее, чем даже флаг самого капитан-паши, как ни славно взятие сего последнего»³¹.

Это говорит о важности произошедшего на море события.

Основной смысл рапорта Грейга, напечатанного в «Санкт-Петербургских ведомостях», заключался в том, что «шведский флот двоекратно начинал спускаться» и что «шведские корабли буксированы и ушли от нашего флота, оставя ему господствование местом баталии»³².

Однако, во-первых, при восточном ветре, хотя он и ослабевал во время битвы, естественно, что шведский флот, не отступая, медленно спускался к западу; во-вторых, при отступлении к Свеаборгу важно то обстоятельство, что оно последовало лишь на следующее утро и что целую ночь оба флота оставались на небольшом расстоянии друг от друга.

Г. Шанц считал, что взятие «Владислава» ночью, после битвы, является следствием того, что шведский флот был готов продолжить сражение³³.

В одной шведской реляции отмечено, что шведский флот, простояв всю ночь на месте, занимаемом в конце битвы, и видя, что русский флот готовится к отплытию, отправился к Свеаборгу, чтобы там привести в надлежащее состояние поврежденные корабли. По другой, шведы в ходе битвы истратили свои боеприпасы, так что не могли продолжать сражение³⁴.

Из этого следует, что шведы не могли продолжать бой и вынуждены были отступать. Но значительные повреждения русского флота не дали Грейгу возможности преследовать неприятеля.

Адъютант-поручик Густав Клинт после сражения посетил русский флот и стал свидетелем того, что потери русских превосходят шведские³⁵.

А. Соколов считал, что отсутствие шведского флота на море после битвы с июля по ноябрь не может быть следствием победы³⁶. О победе русского флота говорят еще несколько русских источников: главным критерием победы в них является тот факт, что «принужден был неприятель уступить место сражения»³⁷.

Шведы утверждали, что потери русских были гораздо значительнее, по сравнению с их потерями. В «Санкт-Петербургских ведомостях» напечатано, что у русских было убито 319 человек, а ранено 686. В ведомости Грейга немного иные сведения: 329 убитых, 696 раненых солдат, 8 убитых, 13 раненых офицеров. У Гилленграната сказано, что у шведов было убито 127, ранено 334 человека. Что касается повреждений кораблей, то и здесь шведы старались доказать, что русский флот пострадал гораздо сильнее шведского.

Гилленгранат отмечал, что шведский флот хотя и был слабее русского почти на 200 пушек, во время сражения имел превосходство, доказывая это таким образом, что хотя ветер на следующий день продолжал дуть в том же направлении, русский адмирал не решился возобновить бой. Свидетелем того, что русские корабли понесли больший урон, чем шведские, был адъютант-поручик Густав Клинт, который в качестве парламентаря вскоре после сражения посетил русский флот³⁸.

В этом отношении и донесение Грейга согласуется с показаниями шведов. Он пишет, что «разные корабли флота много разбиты, а особливо в мачтах, реях и оснастке»³⁹.

Главным результатом битвы при Гогланде, как считал статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий, было то, что русский флот оказался не только равносильным шведскому, но даже и превосходил его⁴⁰.

Хотя Густав III и праздновал победу над русским флотом, но его план — разбив Грейга, отправиться в Кронштадт, высадиться в Ораниенбауме с десантом в 15 или 20 тыс. человек и напасть с этой стороны на Петербург, между тем как главная армия будет приближаться к столице с севера, — был нарушен. Карл Зюдерманландский вынужден был отправиться с флотом в Свеаборг, где и был блокирован русской эскадрой Грейга.

После сражения при Гогланде главный вопрос — кому принадлежит господство над Балтийским морем — остался нерешенным. Об использовании русского флота на Архипелаге или об экспедиции против Карлскроны и Стокгольма нельзя было и думать. Но и шведы также не могли ничего предпринять вплоть до следующей кампании в 1789 году.

Лишь после ремонта кораблей 20 июля флот вышел на поиски неприятеля. Императрица ожидала второй битвы и решительной победы. С. К. Грейг получил известие, что шведская эскадра крейсировала между Ревелем и Свеаборгом. Шведская эскадра, состоящая из четырех кораблей, в задачу которой входило досматривать английские торговые суда, на которых, по слухам, могли находиться военные контрабандные грузы, в условиях густого тумана натолкнулась на русский флот. Три корабля успели уйти в свеаборгскую гавань, но корабль «Густав Адольф» сел на мель, вскоре был окружен многими русскими кораблями и после непродолжительного сопротивления спустил флаг⁴¹.

В августе Грейг отдал приказ командирам кораблей вести наблюдение за флотом противника и разработал систему сигналов, «которые должны делать кораблям и фрегатам о усмотренном движении неприятельского флота»⁴². После этого шведские корабли уже не выходили в море.

Из Карлскроны шведы ожидали поступления припасов и прихода нескольких кораблей с солдатами, но блокада продолжалась, и шведский флот после мятежа офицеров финской армии оставался бездействовать. Кроме того, императрица Екатерина II **решилась использовать каперов для ведения пиратской войны против шведского торгового флота**, а взамен «освободить здешних каперов от залога или ручательства, которые паче по нашим морским узаконениям они давать принуждены были для возвращения употребляемых ими морских служителей из российских подданных, кои могут не только подвержены быть на море обыкновенным несчастьям, но и быть от неприятелей убитыми и попасть иногда в его руки»⁴³. Императрица старалась использовать любые возможности, для того чтобы ослабить неприятеля на море и на суше.

***

¹ Памятные записки Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II (далее — Записки Храповицкого) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862. Апр.–июнь. Кн. 2. 26 июня.

² Там же. 4 июля.

³ *Schantz G. Historia over kriget emellan Sverige och Russland åren 1788, 1789 och 1790. Stockholm, 1817–1818. S. 24.*

⁴ *Соколов А. Гогландская битва // Морской сборник. 1840. Т. 2. № 5. С. 323–324.*

⁵ *Брикнер А. Г. Война России со Швецией 1788–1790 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869. № 4. С. 130.*

⁶ *Anekdoter hörande till kampanje i Finland // Hemliga handlingar hörande till Sveriges Historia efter Konung Gustaf: III:s anträde till regeringen. Stockholm, 1821–1822. S. 75–76.*

⁷ Записки Храповицкого. 16 июня.

⁸ Архив внешней политики России. Ф. 5. Секретные мнения КИД. Оп. 1. Д. 587. Протоколы Совета. Л. 116.

⁹ Записки адмирала П. В. Чичагова // Русская старина. СПб., 1888. Июль, авг., сент. Т. 59. С. 1.

¹⁰ Записки Храповицкого. 29 июня, 5 июля.

¹¹ *Гилленгранат. История Русско-шведской войны 1788–1790 гг. // Морской сборник. 1863. Т. 66. № 5. С. 214–215.*

¹² Там же. С. 219.

¹³ *Чистяков В. День «Сыся Великого» // Морской сборник. СПб., 1988. № 7. С. 80.*

¹⁴ Там же. С. 212–214.

¹⁵ *Брикнер А. Г. Война России 1788–1790 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869. № 4. Апр. С. 132.*

¹⁶ Журнал адмирала С. К. Грейга // Северный архив. 1823. С. 320.

¹⁷ Материалы для истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 462.

¹⁸ Записки Храповицкого. 11 июля.

Храповицкий вспоминал: «Граф И. Г. Чернышев показывал мне письмо адм. Грейга, где открывается, что не все наши корабли были в деле».

¹⁹ Записки Храповицкого. 18 июля; Журнал адмирала С. К. Грейга // Северный архив. 1823. С. 371, 372.

²⁰ Записки Храповицкого. 19 июля; Материалы по истории русского флота. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 495–498.

²¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 гг. М., 1997. С. 301.

²² Цит по: *Брикнер А. Г. Война России со Швецией. С. 136; Memoires de Stedingk. I. S. 103.*

²³ *Anekdoter hörande till kampanje i Finland // Hemliga handlingar hörande till Sveriges Historia efter Konung Gustaf III:s anträde till regeringen. Stockholm, 1821. S. 82–83.*

²⁴ Записки Храповицкого. 6/17 августа.

- ²⁵ Там же. 10 июля.
- ²⁶ Переписка Екатерины II и И. Г. Циммермана (Письма Екатерины II к Циммерману) // Сб. РИО. СПб., 1833. Т. 33. С. 25, 29.
- ²⁷ Бумаги Н. П. Архарова (1775–1812) // Русский архив. М., 1864. Вып. 9. С. 915.
- ²⁸ Записки М. Гарновского // Русская старина. СПб., 1876. Т. XVI. С. 25, 29.
- ²⁹ Записки адмирала П. В. Чичагова // Русская старина. СПб., 1888. Июль, авг., сент. Т. 59. С. 8.
- ³⁰ Письма и рескрипты императрицы Екатерины II к графу П. Д. Еропкину // Русский архив. М., 1872. Кн. 1. С. 308–309.
- ³¹ Иосиф II — Екатерине II. Землин, 7 августа 1788 г. // Переписка Екатерины II с германским императором Иосифом II (1774–1790) // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 341–343.
- ³² Санкт-Петербургские ведомости. 1788. С. 805.
- ³³ *Schantz G. Historia over kriget emellan Sverige och Russland åren 1788, 1789 och 1790. Stockholm, 1817–1817. S. 23.*
- ³⁴ *Ibid.*
- ³⁵ *Ibid.*
- ³⁶ *Соколов А. Гогландская битва // Морской сборник. СПб., 1849. Т. 2. № 5.*
- ³⁷ Российский государственный исторический архив. Ф. 1146. О донесениях о ходе военных действий со Швецией. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 35; Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 / под ред. Ф. Веселаго. СПб., 1871. С. 8.
- ³⁸ *Гилленгранат. Указ. соч. С. 218.*
- ³⁹ Журнал адмирала С. К. Грейга // Северный архив. 1823. С. 318.
- ⁴⁰ Записки Храповицкого. 18 июля.
- ⁴¹ *Шишков А. С. Действие русского флота в войне со шведами в 1788–1790 гг. // Морской сборник. СПб., 1871. Т. 115. № 7. С. 64–65.*
- ⁴² Центральный государственный архив Военно-морского флота. Ф. 200. Приказы С. К. Грейга. 1788 г. Оп. 1. Д. № 96. Приказ от 1788 г., августа 25 дня. Л. 51.
- ⁴³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1146. О донесениях о ходе военных действий со Швецией. Оп. 1. Ед. хр. № 7. Л. 125–126.